

Е. А. Дорохова (Москва)

Этнокультурный билингвизм как предмет междисциплинарных исследований

В 1970-е годы в советской музыкальной фольклористике отчетливо обозначился рост интереса к явлениям, порожденным процессами межэтнического взаимодействия, в том числе к двуязычию — в эти годы данный термин впервые появляется в трудах этномузыкологов.

Таким образом, в отечественной гуманитарной науке определилась еще одна область знания, расширяющая поле пересечений этномузыкознания и лингвистики. В действительности эта тема встала перед исследователями по крайней мере четвертью века ранее. Но именно в 1970-е годы появилось множество публикаций, в которых различные факты и явления, трактуемые авторами как проявления культурного и в первую очередь музыкально-фольклорного двуязычия, рассматривались на материале этнической культуры контактных зон и пограничных территорий, на которых проживают русские и различные финно-угорские народы¹.

Это Северо-Запад Европейской России, где русские соседствуют с карелами и вепсами; Северо-Восток — зона контактов русских и коми; и, конечно же, Поволжье, представляющее собой сложный сплав различных финно-угорских этнических культур с русскими традициями. Вполне понятно и объяснимо, что объектом внимания в первую очередь стала культура народов, фольклор которых двуязычен в самом прямом лингвистическом смысле этого слова.

Основной целью большинства авторов было описание отдельных жанров песенного фольклора (а иногда — отдельных напевов) и установление их сходства с жанрами (напевами) иной этнокультурной традиции. Предпочтение отдавалось музыкальному эпосу, причитаниям, лирическим песням раннего стилевого пласта.

Итоги этномузыкологических разысканий тех лет, посвященных культурным межэтническим взаимодействиям, были подведены на крупном научном форуме — конференции «Музыкальный фольклор финно-угорских народов и их этномузыкальные связи с другими народами», проведенной в Таллине в 1976 году².

¹ Укажем лишь наиболее заметные, «резонансные» из них: [Васильева 1979а; Васильева 1979б; Земцовский 1979; Кондратьева 1977; Коски, Краснопольская 1971; Лапин 1973; Лапин 1977; Песни Карельского края 1977], а также глава в монографии, написанной В. А. Лапиным в конце 1970-х годов, но изданной почти двумя десятилетиями позже [Лапин 1995].

² Конференция, посвященная памяти крупнейшего эстонского ученого Херберта Тампере, была, по замыслу организаторов, «призвана способствовать развитию советского финно-угроведения и содействовать устранению «белых пятен» в знаниях о культуре и процессах мировой культуры» [МФФУН 1976, 2]. В ней приняли участие Е. В. Гиппиус, И. И. Земцовский, Н. И. Бояркин, О. М. Герасимов, М. Г. Кондратьев, Т. В. Краснопольская, В. А. Лапин, И. В. Мациевский, И. Рюитель, В. Сарв, Р. А. Чуракова и другие крупнейшие исследователи тех лет.

Весьма показательно, что музыкальное финно-угроведение в СССР на протяжении десятилетий развивалось преимущественно в русле сравнительных исследований, и проблемы музыкальных взаимосвязей с другими народами всегда занимали ведущую позицию. Так, в течение долгого времени активно обсуждалась гипотеза о мордовском происхождении южнорусских ангемитонных многоголосных напевов с бурдоном, а также некоторых других музыкальных форм, которые фиксируются у обоих народов. В ряде случаев основываясь на исторических фактах, в других — на поразительном внешнем сходстве напевов, легко определяемом при слуховом восприятии, часть ученых утверждает положение о значимости мордовского субстрата в южнорусских и некоторых поволжских традициях [Бояркина 1988; Бояркина 2002 и др.].

Несколько лет назад в Саранске был издан сборник трудов, демонстрирующий современный «срез» научных позиций разных авторов, приложивших свои усилия к развитию сравнительного финно-угроведения [ФУМТ 2008].

Среди тем сборника: параллели между культурами народов Поволжья, рассматриваемые в контексте исторического формирования этого полиязычного региона³; попытки сопоставления этих культур с более отдаленными традициями⁴; поиск оснований для установления межэтнических взаимосвязей в области этнопсихологии [Хрущёва 2008], нейрофизиологии [Лейсиё 2008] и др.

Заявленный в сборнике «широкий поиск новых теоретических подходов, дополняющих сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительно-аналитическое изучение традиционной музыки» [ФУМТ 2008, 12] увенчивает статья И. И. Земцовского «“Мы кругом в мордвах”: мордовский феномен в евразийской музыкальной перспективе», в которой автор предлагает рассматривать мордовские параллели «в мировом масштабе»⁵.

Попутно И. И. Земцовский щедрой рукой рассеивает концепции «территориальных моделей», «моделей географических констелляций», «мордовских кругов», «евразийских музыкальных союзов» как базовых аналитических постулатов придуманного им нового научного направления — *этногеомузыкологии*.

Казалось бы, на исследование проблемы музыкально-фольклорного билингвизма были направлены такие мощные усилия, что она должна быть давно уже досконально и исчерпывающе изучена. Во всяком случае, можно было бы ожидать появления базовых, основополагающих трудов, в которых намечались бы пути и перспективы подобных штудий. Почему же этого не произошло? Думается, что дело здесь не только и не столько в чрезмерно большом количестве явлений, которые можно отнести к области этнокультурного двуязычия, и в их многообразии, сколько в слабости методологических оснований большинства исследований, что, впрочем, следует отнести не к просчетам конкретных ученых, а скорее к общему состоянию нашей науки.

Практически в каждой работе содержатся бесспорные исходные положения, правда, большинство их них имеет общий характер. В самом деле, трудно

³ См., например: [Бояркин 2008; Макаров 2008].

⁴ См.: [Рачюняйте-Вичиниене 2008; Кондратьев 2008; Жордания 2008].

⁵ Ср.: «Для углубленного понимания мордовской музыки устной традиции недостаточным оказывается не только сопоставление с русским фольклором или музыкой тюркских народов Поволжья, но даже вся широчайшая финно-угорская перспектива мала для реалистической оценки мордовского вклада в фольклорную сокровищницу человечества. Необходим выход на просторы Евразии» [Земцовский 2008, 90].

поспорить с тем, что «их [двуязычных фольклорных традиций — *Е. Д.*] специфика и соотношение могут быть до конца поняты только в рамках широкой исторической перспективы и под углом зрения именно этнокультурных контактов» [Лапин 1995, 67].

Столь же несомненным представляется и тезис о том, что «проблемы и стилистика севернорусских локальных традиций зачастую не могут быть до конца поняты, если не иметь в виду огромного и многослойного «поля» этнокультурного взаимодействия — исторического, территориального, структурно-стилевого — славяно-русского и финно-угорского миров» [Лапин 1995, 68]. Однако вопрос о том, что значит «иметь в виду», остается без ответа, пока не разработаны методологические подходы к исследованию двуязычных и полиязычных традиций.

Важным и перспективным представляется понимание Лапиным двуязычия не как статического явления, а как сложного процесса⁶. Одна из его работ так и называется — «Двуязычие: феномен и процесс», хотя она была написана довольно давно, но пока так и остается неопубликованной (о чем следует лишь пожалеть!). В ней автор приводит схему процесса этнокультурного взаимодействия, приводящую к билингвальным формам. Но процесс этот обозначен в форме некоей абстракции, чрезмерная обобщенность которой лишает ее информативности.

Когда же речь доходит до конкретных примеров — и это уже касается большинства авторов, — эти примеры оказываются единичными фольклорными фактами, произвольно изъятыми из контекста традиционной культуры. В этом случае даже факты близкого сходства мелодического контура отдельных напевов, относящихся к разным этническим традициям, кажутся недостаточно убедительными. Вспомним одно из основных положений теории систем о том, что ни один из элементов какой-либо системы не может быть уникальным и специфичным — таковым является лишь характер связей между компонентами системы.

Любые, даже самые захватывающие гипотезы, построенные на основании сравнения единичных явлений, остаются недоказуемыми. И чем глобальнее, всеохватнее гипотеза, тем меньше перспектива ее превращения в научный факт. В опубликованной в 2004 году статье «Два взгляда на проблему межэтнических связей» Т. В. Краснопольская отходит от идеи о том, что именно феномен двуязычия определяет специфический облик народной культуры Русского Севера: «Тенденции к сближению, двуязычию, консолидации разных языковых потоков существуют, как существовали они и в предшествующие времена, но определяющими в современной культуре языкового общения они не являются» [Краснопольская 2004, 177].

Причиной многочисленных типологических схождений, как считает исследовательница, является то, что север Европейской равнины, населенный разными народами, представляет собой одну гигантскую «макроисторико-культурную зону», объединенную общностью физико-географических,

⁶ Сама по себе такая позиция отвечает представлениям о природе двуязычия, содержащимся в трудах социолингвистов. См., например: «Двуязычие — это обусловленная необходимостью обеспечить социальное взаимодействие внутри разноязычного континуума целенаправленная практика попеременного пользования двумя языками некоторой группой индивидов» [Герашенко 1982, 4]. Таким образом, социальное и индивидуальное двуязычие понимается в этой работе как процесс, деятельность, а не как состояние или качество.

хозяйственных, климатических, исторических и прочих факторов. Она предпринимает попытку спроецировать на область этномузыкознания выводы лингвиста А. С. Герда [Герд 1993; Герд, Лебедев 2001], считающего подобные историко-культурные зоны (ИКЗ) устойчивым «ареальным единством», лежащим в основе регионального членения территорий. Однако следует отметить, что в трудах этого исследователя не рассматриваются структурные параметры ИКЗ и их этнокультурный облик. Стремясь восполнить этот пробел, Т. В. Краснопольская на основании внешнего сходства двух групп напевов (в каждой этнической традиции принадлежащих разным жанрам!) определяет признаки такой системы, априори заявленной как «жесткая» и централизованная. Сложившиеся в ней «историко-культурные типы» напевов принципиально рассматриваются вне какой-либо конкретной этнической традиции. В результате один из этих типов характеризуется «географически чрезвычайно широкими и хронологически «размытыми» границами» [Краснопольская 2004, 180], а параметры второго типа оказываются настолько неконкретными, что могут быть приложены к большинству обрядовых напевов любой этнической или региональной традиции Европейской России.

Этот печальный итог представляется закономерным, так как является следствием некорректного компаративного исследования. Подобное сравнение нарушает не только принципы системного подхода к изучению музыкально-фольклорных традиций, но и требования компаративистики, согласно которым корректное сравнительное исследование не должно проводиться на уровне отдельных элементов. В качестве объектов сопоставления могут выступать только общие системообразующие комплексы, каковыми являются, например, совокупность структурных типов напевов, система песенных жанров, этнографический контекст, определяющий культурные функции фольклорных текстов, выраженные в определенной терминологии, и т. п.

Но прежде чем приступить к процедуре сопоставления, исследователь должен определить основания для заимствования иноэтнических форм культуры, которые выявляются лишь на уровне глубинных механизмов, регулирующих фольклорные традиции и определяющих их неповторимый облик, — например, принципов соотношения напева и текста, принципов соединения малых музыкально-ритмических единиц в синтагму и т. п. Сравнение же единичных напевов может в лучшем случае привести к установлению типологических параллелей, которые, как известно, ни в коей мере не свидетельствуют о генетическом родстве традиций. Именно поэтому такой долгой и малорезультативной была дискуссия о так называемой вепсской мелострофе⁷.

На основании сходства мелодического контура одного из заонежских эпических напевов, известного по записям, сделанным от сказителей Рябининых, с мелодиями карельских причитаний выдвигался тезис о «интегрирующей роли веси-вепсов в формировании собственно вепсских, южно-карельских и русских музыкально-песенных традиций» [Лапин 1995, 67].

Обоснованию и доказательству этого положения посвящен большой раздел уже упоминавшейся монографии В. А. Лапина, имеющий название «Славяне и неславяне (к проблеме этнокультурных контактов на Русском Севере)». Перед автором стояли непростые задачи. Необходимо было, во-пер-

⁷ Термин, предложенный Е. Е. Васильевой для обозначения одной из мелодико-ритмических форм эпических и обрядовых напевов, зафиксированных у разных народов Европейского Северо-Запада. См.: [Васильева 1979а].

вых, подтвердить правильность термина, указывающего на то, что рассматриваемая мелодико-ритмическая форма на самом деле имеет вепсское происхождение. Во-вторых — доказать, что мелодическое сходство, улавливаемое на слух, не есть следствие внешних или случайных типологических схождений, а демонстрирует единство структурных параметров напевов.

Сложность состояла в том, что мелодическая общность была отмечена исследователями на территории, где русские соседствуют с карелами, и именно в русской и карельской традициях. Вепсы же, как известно, в настоящее время проживают значительно южнее, в пределах Ленинградской области и — частично — Прионежского района Республики Карелия. В. А. Лапин, опираясь на исследования истории заселения, диалектов и топонимики Европейского Северо-Запада, выстраивает длинную цепочку умозаключений, звеньями которой являются летописные *весь* и *корела*, саамы-*лопъ*, карельские субэтноты (*ливвики* и *людики*) и русские, пришедшие в эти края в эпоху новгородской колонизации северных территорий. Сложенный автором «этнокультурный паззл» на самом деле весьма наглядно характеризует полиэтническую (и полиязычную) обстановку региона. Совершенно очевидно, что здесь сложилась особая этнокультурная система, вобравшая в себя традиции нескольких народов и сплавившая их в новое единство, отдельные компоненты которого с большой долей условности могут быть отнесены к культуре какого-то конкретного этноса. Такое единство, как и на многих других территориях, сформировалось при доминировании русской традиции, что вполне естественно, поскольку она находилась в сильной позиции. Высокий статус ей обеспечивали многие факторы — административно-политические, конфессиональные и др.

Но все это не рассматривается автором, для которого более важно показать, как «вепские» элементы культуры сохраняют свою этническую определенность даже в тех случаях, когда сами вепсы давно уже ассимилировались не только русскими, но и — раньше — карелами. Именно поэтому в монографии возникает множество определений той группы финно-угорского населения, в фольклорной традиции которой существует «вепсская мелострофа». Это южные карелы-*людики*, в этногенезе которых, по-видимому, принимала участие легендарная *весь*. В монографии они называются также «карелами с вепским этноязыковым субстратом», *весью-вепсами-людиками* и, наконец, *вепсами-людиками*. Вполне понятна реакция Т. В. Краснопольской, указывавшей на то, что «вепсская мелострофа» «к характеристике вепсской культуры прямого отношения не имеет» [Краснопольская 2004, 178].

Вторая задача решена В. А. Лапиным проще: он приводит несколько нотных транскрипций карельских и вепских свадебных, похоронных и бытовых причитаний, один из эпических напевов семьи Рябининых и два русских свадебных причитания. Такая подборка, по замыслу автора, должна наглядно продемонстрировать фактическую идентичность напевов, а следовательно, и верность главного положения этого раздела монографии: «Таким образом, выдвинутый в начале настоящего этюда тезис-гипотеза об интегрирующем значении вепсов в музыкально-фольклорной стилистике всего региона получает вполне реальное подтверждение. Во всяком случае, повествовательный (нарративный) песенный фольклор, включающий былины, баллады, духовные стихи, руны, похоронные и свадебные причитания, оказывается в той или иной степени включенным в эту область структурно-стилевого взаимодействия» [Лапин 1995, 84].

Если присмотреться к представленным напевам повнимательнее, обнаруживается ряд довольно серьезных расхождений между ними. Во-первых, они относятся к разным классам музыкально-ритмических форм: русский имеет равномерно сегментированную форму⁸, а карельские — частично относятся к классу неравномерно сегментированных форм, а в большинстве своем принадлежат к совокупности напевов с мобильными параметрами формы. Во-вторых, различны и принципы вокализации песенного стиха: в части напевов на каждый звук напева приходится один слог, а в других присутствуют внутрислоговые распевы. Впрочем, часть напевов по непонятной причине приведена без подтекстовки, так что судить о соотношении их с текстом затруднительно. В-третьих, напевы кажутся очень похожим лишь на первый взгляд, а в реальности характер мелодического движения и контур напевов могут значительно различаться. Несомненно, общими чертами для всех образцов являются их композиция, образующая строфы-тирады, а также набор мелодических звеньев определенного амбитуса, из которых складываются мелодико-ритмические периоды. Принципы чередования звеньев в пределах тирады могут быть признаны сходными лишь в самом общем плане: такое чередование не образует стабильной последовательности.

Как можно убедиться, в результате аналитического сопоставления напевов выявляется их типологическое сходство; что же касается генетического родства, то оно по-прежнему остается гипотетическим. Выявленные структурные закономерности можно обнаружить во множестве севернорусских напевов, локализованных за пределами Северо-Запада, на территориях, где славяно-финно-угорские контакты не столь явны. На это справедливо указывал в своих работах А. Ю. Кастров, включившийся в дискуссию о «вепсской мелострофе» в качестве оппонента Е. Е. Васильевой и В. А. Лапина⁹. В центре внимания исследователя вполне справедливо оказывается не сходство или различие мелодического контура отдельных образцов, а процесс формирования тирадных композиций как особой формы архитектоники музыкально-фольклорных текстов. Отмечая ее наличие во многих региональных и этнических традициях, А. Ю. Кастров приходит к выводу об универсальности принципа тирадно-строфической организации [Кастров 1993, 134]. Процесс образования тирадных композиций, как считает ученый, всегда проходит под влиянием множества факторов, среди которых наиболее значимы соотношение песенных и декламационных форм в данной локальной традиции, степень ее целостности, уровень исполнительского мастерства и даже «эмоциональное состояние исполнителей в момент репродуцирования текста» [Кастров 1993, 126]. Именно совокупность всех этих и множества других факторов «в значительной мере обуславливает композиционную вариабельность тирадных структур и широкий диапазон их реализации» [Кастров 1993, 126]. Таким образом, Кастров уходит от заведомо бессмысленного, по его мнению, вопроса о генезисе и этнической идентификации рассматриваемого вида тирадных композиций, концентрируя внимание

⁸ Автор придерживается терминологии, принятой в трудах структурно-типологического направления. Большинство определений предложено Е. В. Гиппиусом и Б. Б. Ефименковой. См.: [Ефименкова 2001].

⁹ Так, анализируя большой объем нарративных напевов различных локальных традиций, А. Ю. Кастров приходит к следующему выводу: «Даже ограниченный материал обнаруживает типологические взаимосвязи с северо-восточными и среднерусскими эпическими образцами» [Кастров 1993, 122].

на историко-типологических проблемах, связанных со спецификой музыкальной формы напевов.

Казалось бы, тема «вепсской мелострофы» уже исчерпала себя и дальнейшее ее обсуждение не имеет смысла, но неожиданно дискуссия получила новый импульс. Оказалось, что уже несколько десятков лет существует исследование, посвященное этой же проблеме, которое вплоть до января 2014 года оставалось неопубликованным. Рукопись хранилась в архиве Государственного музейного объединения музыкальной культуры имени Глинки и была известна лишь узкому кругу исследователей. Речь идет о статье Е. В. Гиппиуса «Былин-ные напевы семьи Рябининых» [Гиппиус 2014], которая по многим позициям оказалась более созвучной современному состоянию науки о народной музыкальной культуре, нежели работы, написанные тремя десятилетиями позже.

Чрезвычайно ценным представляется то, что редакторы опубликовали весь текст статьи, включая фрагменты, вычеркнутые Гиппиусом в процессе правки текста. Это дает читателю уникальную возможность наблюдать процесс поиска автором адекватной формы выражения научной идеи. Прежде всего, Гиппиус указывает и подробно характеризует **все** имеющиеся к тому времени версии исследуемых напевов, отмечая степень их достоверности. Отказываясь от исходного категорического заявления о карельском происхождении рассматриваемого былинного напева, автор в окончательной редакции текста пишет об особой интонационной группе напевов, «в одинаковой степени, но в различных национальных музыкально-ритмических формах распространенных и у карел, и у русских», здесь же указывая, что у разных народов эти напевы имеют несходную жанровую специфику: они связаны «у карел с ранними историческими типами карельского эпоса (свадебными рунами и балладами), у русских же — главным образом с былинами-новеллами и с духовными стихами» [Гиппиус 2014, 19].

Далее ученый излагает одну из своих излюбленных идей о том, что напевы русских эпических традиций не являются жанрово характерными, а представляют собой модифицированные в соответствии со структурой поэтических текстов напевы лирических (на Юге), обрядовых и хороводно-игровых (на различных территориях Русского Севера) песен. Эта «крамольная» мысль находит объяснение, если вспомнить о распространенности в эпических напевах Заонежья принципа равномерной сегментации напевов, который прежде всего ассоциируется с ритмом пляски и с хороводно-игровыми формами. Оставляя в стороне эту гипотезу, отметим, что в статье вообще речь идет преимущественно об основополагающих для этномузыкальных систем **принципах**: формирования тирадных композиций, соотношения напева и текста, координации вокальных партий в многоголосных ансамблях и др. у карел и в различных традициях Русского Севера. Сходство и различия **систем** песенных жанров, музыкальной стилистики, вокального интонирования у обоих народов также оказываются в центре внимания Гиппиуса. При этом сравнительному анализу подвергаются не традиции Русского Севера в целом, а культура вполне определенных контактных зон. В результате такого анализа ученому удается решить главную поставленную перед собой задачу: поиска оснований (как он пишет — предпосылок), объясняющих заимствования эпических напевов русскими у карел и карелами — у русских. Одной из предпосылок Гиппиус считает стадиальную **типологическую общность** хороводно-плясовых песен русского Заонежья с карельскими напевами, а частным случаем взаимодействия двух этно-

музыкальных систем — сходство рябининского напева с напевами карельских свадебных рун¹⁰.

В процессе аналитического сопоставления различных явлений карельской и русской песенной культуры ученый приходит к чрезвычайно важному для исследований фольклорного двуязычия положению. Оказывается, и карельская, и русская заонежская эпические традиции характеризуются качеством, названным в статье «необычайной текучестью интонационного материала» [Гиппиус 2014, 25]. Сказители часто используют мелодии любых услышанных где-то песен, в том числе современных, в том числе принадлежащих к культуре иного этноса, и легко распевают на них эпические тексты. Непременным условием при этом является строгое и точное следование **ритмической модели**, присущей эпическим напевам карельской или русской традиций. Гиппиус пишет: «Устойчивые традиционные каноны согласования стихотворной и музыкальной ритмики в русской былинной традиции, так же, как и в карельской, сохраняются сказителями безотносительно¹¹ к той или иной определённой интонационной «плоти» напева. Интонационный материал постоянно меняется (причём в карельской традиции значительно свободнее и интенсивнее, чем в русской); каноны же ритмического согласования стиха и напева устойчиво сохраняются, однако не в одинаковой степени в карельской и русской традициях» [Гиппиус 2014, 27].

Исходя из такой относительной автономности ритмической организации былинных напевов и их интонационного строения, ученый предлагает решать вопросы о заимствовании отдельно для каждого структурного уровня музыкально-фольклорного текста, рассматривая их в широком контексте фольклорных традиций Русского Севера.

По свидетельству учеников Е. В. Гиппиуса, он не считал статью законченной и продолжал возвращаться к ней вплоть до последних лет своей научной деятельности. На это же указывают многочисленные ремарки автора на полях рукописи. Но даже в таком виде эта работа содержит новые подходы к проблеме этнокультурного двуязычия.

Несомненно, многие положения Е. В. Гиппиуса, выдвинутые им в процессе исследования эпических напевов семьи Рябининых, да и сам ход его мысли свидетельствуют не только о глубине видения исследуемого материала, но и о лингвистическом образовании автора. Как известно, в лингвистике двуязычие рассматривается не только как следствие, но и как условие языкового контакта. То есть наличие типологических параллелей является необходимым условием (по Гиппиусу — предпосылкой) взаимодействия языковых систем.

Сочетание музыковедческого, филологического, лингвистического, исторического и этнологического подходов к изучению явлений этнокультурного билингвизма сейчас представляется одним из важнейших условий успешности исследования. Такая совокупность методологий (а вернее, создание единых методов на основе данных смежных наук) может обеспечить ту необходимую комплексность, о которой писали многие ученые¹². Однако механическое

¹⁰ Можно предположить, что «свадебными рунами» Е. В. Гиппиус называл причитания определенной структуры.

¹¹ Подчеркнуто Е. В. Гиппиусом.

¹² См., например: «Для обеспечения исторической глубины подобных сопоставлений требуется комплексный подход, соотносящий данные фольклористики с данными других смежных дисциплин — истории, этнографии, лингвистики и археологии» [Лапин 1995, 67].

соединение разнонаправленных исследовательских методик вряд ли может привести к позитивным результатам, что подтверждается и рассмотренным выше опытом Т. В. Краснопольской и многими другими аналогичными примерами. В частности, этномузыковедам и филологам редко удается «найти общий язык» хотя бы в силу того, что первые делают свои выводы на основе структурного анализа культурных текстов, который пока находится вне поля интересов филологической фольклористики.

Тем не менее существуют и обратные примеры. Так, одним из наиболее удачных и корректных стало исследование двуязычной традиции удорских коми, в котором принимали участие, с одной стороны, фольклористы-филологи Сыктывкарского государственного университета и Коми научного центра Уральского отделения РАН, а с другой — этномузыкологи Российской академии музыки имени Гнесиных. Хотя эти группы работали независимо друг от друга, результаты, изложенные в статьях А. Н. Власова, Т. С. Каневой, О. А. Пашиной и других ученых [Власов 1992; Власов 1998; Власов, Филиппова 2000; Власов 2003; Власов 2013; Пашина 2008; Старообрядческий центр на Вашке 2002], оказались вполне сопоставимыми.

Можно предположить, что одним из факторов, способствовавших этому, стала общность принципов собирательской работы, основанной на методике фронтального обследования территории по единой программе. Показательно, что обе группы исследователей при этом ориентировались на опыт работы специалистов Фольклорно-этнографического центра при Санкт-Петербургской консерватории, успешно осуществлявшейся под руководством А. М. Мехнецова начиная с 1970-х годов.

Цели и задачи исследования в обеих группах изначально носили комплексный характер, предполагающий детальную фиксацию этнографического, историко-культурного, конфессионального контекстов местной фольклорной традиции. При этом для музыковедов первостепенным остается изучение особенностей функционирования музыкально-фольклорных текстов в локальной традиции, в то время как филологов в большей степени занимает ментальная сфера, включающая аспекты этнокультурной и конфессиональной идентификации.

Руководитель сыктывкарского «отряда» А. Н. Власов определял задачи исследования так: «Заимствование и трансформация элементов «чужой» традиции, казалось бы, в этнически однородной среде требуют специального рассмотрения на ментально-идеологическом, ритуально-обрядовом, жанровом, сюжетно-тематическом, формульно-стилевом срезе фольклорной культуры» [Власов 2013, 89].

Еще на этапе полевой работы собирателями последовательно были зафиксированы и рассмотрены все области бытования региональной фольклорной традиции, начиная с ее этнографического контекста, в котором вполне ожидаемо взаимопроникновение культур оказалось наиболее ощутимым. На определенном этапе формирования удорской этнокультурной системы происходил интенсивный взаимообмен способами хозяйственной деятельности. Автохтонное финно-угорское население усваивало от русских особенности возделывания сельскохозяйственных культур, в свою очередь, передавая им знания, необходимые для охотничьего и рыболовецкого промыслов. Способы ведения хозяйства в совокупности с соответствующими магическими практиками заимствовались вместе с корпусом народной терминологии, используемой в каждой из сфер деятельности.

Экспедиционные материалы дают возможность представить и разнонаправленные процессы, формировавшие двуязычную традицию. Коми активно перенимали у русских обрядовые практики и музыкально-фольклорные тексты, связанные с системой календарных православных праздников, летними сельскими гуляньями вместе с соответствующей русскоязычной терминологией. Вместе с тем «внутренние» жанры, включенные в ритуалы жизненного цикла — похоронные причитания, колыбельные, а также игровые припевки, которыми «припевали» парней к девушкам на зимних собраниях сельской молодежи, — функционировали в рамках комиязычной культуры.

Исследование исторического контекста выявило участие в формировании местной культуры русских старообрядцев, переселившихся с Северной Двины и из Каргополя в XVIII–XIX вв. Комплексный анализ местного песенного репертуара и прозаических жанров, структуры, стилистики и поэтики фольклорных текстов и их функций в культуре позволил представить весь спектр межэтнических пересечений и различий, определивший облик удорской музыкально-фольклорной традиции. Чрезвычайно важным оказался анализ народной терминологии, используемой для обозначения фольклорных жанров, хореографических форм, вокальных приемов. Именно он позволил аргументированно судить о жанровом составе культуры удорских коми до контактов с русскими. Было проведено также сравнительное исследование удорской традиции с другими песенными системами, локализованными на Вашке и в верховьях Мезени.

Все это дало исследователям возможность сделать ряд чрезвычайно важных выводов, которые могут оказаться полезными и для изучения других двуязычных традиций. В частности, определить временные параметры процесса активного усвоения удорскими коми русской культуры; найти убедительный ответ на вопрос: почему одни жанры легко заимствуются или подвергаются иноэтническому влиянию, а другие — нет; представить процесс заселения всего верхнемезенского региона и его этапы. Наконец, поставить вопрос о причинах возникновения особой двуязычной традиции на Вашке.

Согласно наблюдениям ученых, одним из непеременимых условий культурных заимствований, безусловно, является высокий статус культуры-донора в целом и ее отдельных составляющих. Этот статус может определяться уровнем общественного развития и хозяйственных технологий, наличием государственности, причинами конфессионального характера, эстетическими воззрениями и художественными вкусами, господствующими в социуме в определенный период. Высокий статус русской старообрядческой традиции в среде удорских коми был связан и с книжной традицией, особой сферой непонятных, а потому сакральных текстов.

Суммируя данные полевых исследований, А. Н. Власов отмечал, что культурное двуязычие, распространенное на многих территориях Русского Севера, можно рассматривать как «результат встречи на одном пространстве нескольких стадияльно разобщенных типов мировоззрения: языческого и христианского, родового и государственного» [Власов 2013, 93].

Статус культуры — не постоянная величина, он связан с этнокультурной идентичностью и может меняться во времени, меняя жанровый состав и всю традицию в целом. Это убедительно показано, например, в только что завершеном монографическом исследовании Н. И. Жулановой, посвященном традиционной культуре коми-пермяков.

Как легко можно убедиться, среди факторов, определяющих статус культуры — а следовательно, и иницилирующих процесс межкультурного взаимодействия, — практически все являются экстрафольклорными. Обусловленность различных форм двуязычия внешними факторами давно была замечена лингвистами, что еще в середине XX в. привело их к убеждению, что изучение языковых контактов невозможно без привлечения культурологических данных, а само исследование должно непременно иметь междисциплинарный характер. Об этом писали основоположники социолингвистики Макс и Уриэль Вайнрайх, Эйнар Хауген и другие.

Именно в середине XX в. в лингвистике началось систематическое исследование явлений языковой интерференции, хотя научное осмысление языкового взаимодействия обозначилось полутора столетиями раньше, еще на пороге XIX в. Под влиянием ученых пражского лингвистического кружка в работах их учеников и последователей сложился круг проблем, обозначаемых понятиями языкового контакта, билингвизма, заимствования, интерференции, субстрата и суперстрата, переключения кодов, диглоссии и др.

Этот процесс привел к образованию множества смежных областей в языкознании: наряду с уже упоминавшейся социолингвистикой возникли психолингвистика, нейролингвистика, а в конце XX в. еще одно новое направление, получившее название «**контактная лингвистика**». Оно еще находится в стадии становления, сами ученые отмечают существующие недоработки в методологической базе и терминологии. Тем не менее за это короткое время уже оформилась система современных взглядов на проблему языкового взаимодействия, многие из которых, как представляется, могут быть спроецированы на область языков-кодов традиционной музыкальной культуры. Назову ученых, труды которых представляются с этой точки зрения наиболее перспективными. Это Жером Багана, Елена Владимировна Хапилина, Нина Борисовна Мечковская, Любовь Георгиевна Фомиченко.

Двуязычие рассматривается учеными этого направления не столько как **следствие**, сколько как **условие** языкового контакта. Имеется в виду наличие типологически сходных форм в контактирующих языковых системах. Взаимодействие этих систем неминуемо приводит к запуску процесса языковых изменений в одной из них, а чаще в обеих. Такие изменения, обязанные взаимовлиянию языков, носят хорошо известное в музыкальной ареалогии название языковой **интерференции**.

Взаимодействие языковых систем понимается как процесс, в котором можно выделить несколько этапов. Первый связан с **заимствованием** отдельных элементов чужого языка, которые постепенно подвергаются ассимиляции. Это может быть следствием единичных и кратковременных контактов. Заимствование не меняет структуру языка или меняет ее незначительно. Второй этап — собственно **интерференция** — требует длительных и постоянных контактов носителей языка.

Интерференция постепенно приводит к глобальным изменениям структуры языковой системы и ее внутренних связей, к переустройству моделей и самого ядра системы: его морфологии и синтаксиса. Это уже следующий этап — **конвергенция**, которая предполагает крайнюю степень сближения контактирующих языков, когда образуется **новая** языковая система, не тождественная своим источникам, в которой соединяются закономерности обоих языков.

В сферу билингвизма входит также более частное явление **переключения кодов**, и **диглоссия** — параллельное существование двух языков, степень кодифицированности которых различна. Это могут быть устный язык и литературный, книжный; общепринятый язык и диалект и т. д.

Каждая из упомянутых форм уже достаточно хорошо изучена в лингвистике, что создает заманчивую перспективу проверки этих данных на близком нам музыкально-фольклорном материале. Полагаю, что излишне предостерегать от прямой проекции лингвистических выводов на область музыкального фольклора. Но многие положения и выводы контактной лингвистики обнаруживают очевидные параллели в этномузыкознании или, во всяком случае, допускают возможность их проверки на фольклорном материале. Приведу лишь некоторые из них.

1) Языковые и культурные контакты повышают количество инноваций в языковых системах.

2) Интерференция генетически родственных языков происходит быстрее и преодолевается с большим трудом. Другими словами, чем больше степень сходства между языками, тем больше вероятность возникновения интерференции.

3) В сфере лексики субстратные явления установить легче, чем в сфере фонетики и грамматики.

4) В периоды внешней нестабильности наблюдается рост числа лексических заимствований и их борьба с исконными единицами за высокий статус.

5) Билингвы более подвержены лексическим инновациям.

В заключение хотелось бы отметить, что явления, объединяемые понятием этнокультурного билингвизма, могут изучаться и на уровне музыкальных диалектов — региональных музыкально-фольклорных традиций, каждая из которых является самостоятельной сложноорганизованной системой. Стоит ли говорить, что это сразу же ставит проблему фольклорного двуязычия в круг наиболее актуальных направлений современной науки, особенно значимых в условиях многообразия этнокультурных традиций нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Бояркин 2008 — *Бояркин Н. И.* Древние звуковые комплексы восточных финнов (по археологическим материалам) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений / Отв. ред. Н. И. Бояркин; сост. Л. Б. Бояркина, М. В. Логинова, Е. В. Сычёва; вступ. ст. Н. П. Макаркина. Саранск, 2008. С. 23–69.
- Бояркина 1988 — *Бояркина Л. Б.* Мордовская и южнорусская многоголосные песенные традиции: К вопросу взаимосвязей // Вопросы народного многоголосия: Тез. респ. науч. конф., 15–22 окт. 1988 г., г. Боржоми / Ред. И. М. Жордания. Тбилиси, 1988. С. 13–15.
- Бояркина 2002 — *Бояркина Л. Б.* К проблеме изучения мордовского субстрата в русской музыке // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях / Сост. и отв. ред. И. М. Нуриева. Ижевск, 2002. С. 211–228.

- Васильева 1979а — *Васильева Е. Е.* Вепсская мелострофа в междужанровых отношениях причетной традиции // Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии 22–24 мая 1979 г.: Тез. докл. / Редколл.: Э. Г. Карху, Г. М. Керт, К. В. Чистов. КФ АН СССР. Петрозаводск, 1979. С. 125–130.
- Васильева 1979б — *Васильева Е. Е.* Композиция однострочных эпических напевов (по собранию А. Д. Григорьева) // Проблемы музыкальной науки. Вып. 4. М., 1979. С. 145–163.
- Власов 1992 — *Власов А. Н.* Проблема двуязычия в традиционной народной культуре на территории Коми Республики (по материалам фольклорных экспедиций Сыктывкарского университета) // Духовная культура: история и тенденции развития: Тез. докл. Ч. 1. Сыктывкар, 1992. С. 81–85.
- Власов 1998 — *Власов А. Н.* Образы русских эпических героев и процессы формирования эпических форм коми фольклора // Общие проблемы преподавания языков: преподавание русского языка в финно-угорской аудитории. Сыктывкар, 1998. С. 36–59.
- Власов 2003 — *Власов А. Н.* Русские сюжеты в коми фольклоре. Проблемы формирования эпических форм // Этнопоэтика и традиция: Сб. науч. ст. к 70-летию В. М. Гацака. М., 2003. С. 78–114.
- Власов 2013 — *Власов А. Н.* Коми старообрядцы: проблемы культурного взаимодействия в народной культуре // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире: мат. Междунар. науч. конф. «Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков» и «Проблемы самоидентификации этноконфессиональных групп в современном мире» (19–22 сентября 2012 г.) / Под. ред. проф. В. М. Грязновой. Ставрополь, 2013. С. 89–97.
- Власов, Филиппова 2000 — *Власов А. Н., Филиппова В. В.* Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 87–89.
- Герашенко 1982 — *Герашенко В. Н.* Лексико-семантические африканизмы во французском языке Республики Берег Слоновой Кости: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Герд 1993 — *Герд А. С.* Этногенез и историческая география // *Philologia slavica*. 1993. С. 36–42.
- Герд, Лебедев 2001 — Очерки исторической географии: Северо-Запад. Славяне и финны / Под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 2001.
- Гиппиус 2014 — *Гиппиус Е. В.* Былинные напевы семьи Рябининых // Вопросы этномузыкознания. М., 2014. № 5. С. 13–39.
- Ефименкова 2001 — *Ефименкова Б. Б.* Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М., 2001.
- Жордания 2008 — *Жордания Й.* Мордовские и грузинские многоголосные традиции в контексте Евразии // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений / Отв. ред. Н. И. Бояркин; сост. Л. Б. Бояркина, М. В. Логинова, Е. В. Сычёва; вступ. ст. Н. П. Макаркина. Саранск, 2008. С. 115–134.
- Земцовский 1979 — *Земцовский И. И.* Славяно-финно-угорские отношения по данным мелодий причитаний // Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии 22–24 мая 1979 г.: Тез. докл. / Редколл.: Э. Г. Карху, Г. М. Керт, К. В. Чистов. КФ АН СССР. Петрозаводск, 1979. С. 118–124.
- Земцовский 2008 — *Земцовский И. И.* «Мы кругом в мордвах»: мордовский феномен в евразийской музыкальной перспективе // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений / Отв. ред. Н. И. Бояркин; сост.

- Л. Б. Бояркина, М. В. Логинова, Е. В. Сычёва; вступ. ст. Н. П. Макаркина. Саранск, 2008. С. 90–114.
- Кастров 1993 — *Кастров А. Ю.* Вопросы структурной типологии олонцевских нарративных напевов («вепсская мелострофа» и «рунический ритм») // Русский фольклор. Т. 27. Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С.113–135.
- Кондратьев 2008 — *Кондратьев М. Г.* «Звенья в цепи связей между культурами» (Ласло Викар и чувашская музыка) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений / Отв. ред. Н. И. Бояркин; сост. Л. Б. Бояркина, М. В. Логинова, Е. В. Сычёва; вступ. ст. Н. П. Макаркина. Саранск, 2008. С. 303–312.
- Кондратьева 1977 — *Кондратьева С. Н.* Карельская народная песня. М., 1977.
- Коски, Краснопольская 1971 — *Коски Т. А., Краснопольская Т. В.* О напевах свадебных причитаний Колежмы и Нюхчи // Русские народные песни Карельского Поморья: В селах Колежме и Нюхче / Изд. подгот. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова, ред. Н. П. Колпакова, муз. ред. Ю. М. Зарицкий. Л., 1971. С. 194–197.
- Краснопольская 2004 — *Краснопольская Т. В.* Два взгляда на проблему межэтнических связей // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнетип этноса. Вып. 2: Материалы российско-финского симпозиума (Архангельск, 20–22 ноября 2003 г.) / Отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск, 2004. С. 176–183.
- Лапин 1973 — *Лапин В. А.* Русские свадебные песни у вепсов // Проблемы музыкального фольклора народов СССР / Сост. и ред. И. И. Земцовский. М., 1973. С. 37–52.
- Лапин 1977 — *Лапин В. А.* Русская песня у вепсов: К вопросу о генезисе народного музыкального мышления // Музыкальное наследие финно-угорских народов / Сост. и ред. И. Рюитель. Таллин, 1977. С. 183–211.
- Лапин 1995 — *Лапин В. А.* Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды. М., 1995.
- Лейсиё 2008 — *Лейсиё Т.* Нейрофизиологические соответствия гармонических звуков и музыкальный анализ // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений / Отв. ред. Н. И. Бояркин; сост. Л. Б. Бояркина, М. В. Логинова, Е. В. Сычёва; вступ. ст. Н. П. Макаркина. Саранск, 2008. С. 182–195.
- Макаров 2008 — *Макаров Г. М.* О формировании музыкально-инструментальной культуры финно-угров Волго-Камья в древности (по материалам народной терминологии) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений / Отв. ред. Н. И. Бояркин; сост. Л. Б. Бояркина, М. В. Логинова, Е. В. Сычёва; вступ. ст. Н. П. Макаркина. Саранск, 2008. С. 70–89.
- МФФУН 1976 — Музыкальный фольклор финно-угорских народов и их этномузыкальные связи с другими народами: Тез. докл. / Ред. Ю. Рейер, И. Рюитель (отв. ред.), И. Тоблер. Таллин, 1976.
- Пашина 2008 — *Пашина О. А.* О культурном взаимодействии удорских коми и русских в бассейне Мезени // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений / Отв. ред. Н. И. Бояркин; сост. Л. Б. Бояркина, М. В. Логинова, Е. В. Сычёва; вступ. ст. Н. П. Макаркина. Саранск, 2008. С. 218–229.
- Песни Карельского края 1977 — Песни Карельского края / Сост. и авт. вступ. ст. Т. В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977.
- Рачюнайте-Вичиниене 2008 — *Рачюнайте-Вичиниене Д.* Большетерцовый трихорд в литовской народной вокальной традиции и формы его проявлений в музыке финно-угров и славян // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте

- сте межэтнических отношений / Отв. ред. Н. И. Бояркин; сост. Л. Б. Бояркина, М. В. Логинова, Е. В. Сычёва; вступ. ст. Н. П. Макаркина. Саранск, 2008. С. 135–157.
- Старообрядческий центр на Вашке 2002 – Старообрядческий центр на Вашке. Устная и письменная традиции Удоры: Материалы и исследования / Отв. ред. и сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 2002.
- ФУМТ 2008 – Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений / Отв. ред. Н. И. Бояркин; сост. Л. Б. Бояркина, М. В. Логинова, Е. В. Сычёва; вступ. ст. Н. П. Макаркина. Саранск, 2008.
- Хрущёва 2008 – *Хрущёва М. Г.* О некоторых аспектах отражения этнической психологии в фольклоре восточных финнов // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений / Отв. ред. Н. И. Бояркин; сост. Л. Б. Бояркина, М. В. Логинова, Е. В. Сычёва; вступ. ст. Н. П. Макаркина. Саранск, 2008. С. 196–201.